

Федор СТЕПУН

Не афоризмы

I

Критицизм (тема софистики, Декарта, Канта) — конечно не хлеб насущный; скорее яд. Питаться им здоровому духу нельзя, но лечиться больному — неизбежно. Почти все лекарства — яды. Сомнения в том, что мы больны — вряд ли возможны. Потому отрицание критицизма пока все еще или легкомыслие или лицемерие.

II

Кант никогда не думал, как то иногда утверждают наши русские мыслители, отказываться от постижения Абсолютного. Он лишь так переложил горизонт философии, что Абсолютное осталось за ее горизонтом. Для дерзкого ума в этом подвиге самоограничения должны конечно звучать ноты скепсиса и отчаяния, но для верующего разума отнюдь нет. Разве ночь менее абсолютна, чем день? Разве значение солнца для мира и жизни днем понятнее, чем ночью? Разве тождество не верховная категория познания и разве ночь не глубочайший символ тождества?

Кант один из самых строгих подвижников, когда либо спасшихся в бесплодных пустынях разума.

III

«В начала бе Слово». Как известно Гете в «Фаусте» не согласился с Евангелием. «Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen, und schreibegetrost: im Anfang war die Tat!»¹

Интересно и весьма показательно, что Кант, во всем прямой антипод Гете, определенно исходил в своем философствовании из гетевского положения о примате творчества. В отличие от античного и средневекового любомудрия, философия Канта не онтология, но методология, не откровение, а совесть, не система живых истин, а систематизация критериев истинностей, не философия самого Бытия, но лишь философия форм его постижения; философия культуры... и только.

IV

Парадоксальность и трагическое величие этого «и только» заключается в том, что философия, «мать и царица» всех наук, мыслится у Канта, быть может, единственной сферой духовного творчества не ведущей *непосредственного* отношения к Абсолютному. С Абсолютом непосредственно встречаются наука, искусство и жизнь; философия же встречается не с Ним, но лишь с формами Его постижения всеми этими областями. Философия по Канту есть, таким образом, не самый акт встречи с Абсолютом, но лишь философия актов встречи Абсолютного и относительного в образах вне философского культурного творчества.

К узрению Божьего Лица философ по Канту в сущности не стремится; его взор опущен, прикован к мертвым следам уже прошедшего мимо, уже скрывшегося Бога. Философ по Канту всего только следопыт. Не потому ли и сам Кант иногда ощущается последышем, концом, смертью?

V

Один из самых существенных мотивов реформации — отрицание формы, углубление сущности христианства («*Vernnerlichung des Glaubens*»)². Кант — типичный философ протестантизма; не странно ли с этой точки зрения, что как раз он определил сущность мира как *трансцендентальную форму*. Не странно ли что отрицание исторической формы веры обернулось провозглашением рационалистического формализма.

В глубокомысленнейшей эстетике Канта встречаются места, которые без всякой натяжки могли бы быть приписаны такому типичному эстету, как Оскар Уайльд. Кант считал, как известно, красивыми (*schön*) в строгом смысле этого слова лишь цве-

ты, арабески и иные бездушности, Уайльд утверждал, что всякий человек становится уродливым, как только он начинает думать.

Как будто близко по духу! И все же: — каким уродом должен был Кант казаться Уайльду? ³ Каким уродством Уайльд Канту?

Я понимаю всю рискованность моей параллели. Но ведь рискованность совсем не фиктивность.

VI

Канта считают основателем научной философии. Верность этого положения крайне сомнительна. Вся большая философия, выросшая на основе критицизма: Фихте, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр — совсем не наука, а вся наука неокантианства — совсем не философия. Гегель, величайший философ-кантианец, мыслил свою философию самозавершением Бытия; неокантианцы же, ученые, всегда относились весьма подозрительно, как к Бытию, так и к концу; зато весьма положительно к прогрессу. («Открытая система» Риккерта ⁴).

Как мог Кант действительно положить основание научной философии, когда для самого глубокомысленного кантианца Гегеля наука, в современном смысле, конечно же... дурная бесконечность.

VII

В отличие от повисающих обыкновенно в пустоте нарядных парадоксов, общие места, ходячие мнения, всегда живут на счет искажаемых в них существенных истин.

Какую же существенную истину искажает широко распространенное в современности мнение, будто только наука действительно объективна; искусство же, религия, жизнь, политика — все только вкусы, о которых не спорят?

VIII

Конечно, искусство ни в какой мере и степени не субъективнее науки. Все дело только в том, что структура научной объективности требует уничтожения, структура же эстетической объективности — наоборот: утверждения *категории лица*; мы же живем в эпоху обезличенную научной объективностью техники.

IX

Научная истина, в которую верит ученый, (ученый не тот, кто не верит, а тот, кто верит в истину) требует от него не только преклонения, но и коленопреклонности, не только признания, но и подчинения. Образ найденной истины обязателен для всякого ученого, как прообраз искомой им истины. В последнем счете всякий ученый или ищет уже найденную истину, или утверждает, что найденное было ложью. Во всем этом сказывается деспотический дух науки. Искусство и деспотизм несовместимы.

X

Быть толстовцем совсем не значит писать как Толстой, а значит исповедывать учение Толстого, направленное самим Толстым против своего искусства.

Принадлежать к пушкинистам совсем не значит сочинять стихи под Пушкина, а значит изучать творчество Пушкина.

Превращение всякого собственного имени художника в нарицательное выводит как изрекающего это превращение, так и нарекаемых им, за пределы искусства.

Этим отнюдь не отрицается значение преемственности и традиции в искусстве. Но разве не ясно, что быть учеником Толстого или Пушкина значит учиться писать не под Толстого и Пушкина, а из самого себя. Все прямые последователи в искусстве всегда только убогие имитаторы; все буйные новаторы — упорные консерваторы; консерваторы подлинной природы искусства.

XI

Наука живет прогрессом. Искусство прогресса не знает. Научный прогресс возможен потому, что в науке возможны переформления одного и того же содержания разными формами. В искусстве прогресс невозможен потому, что в искусстве связь содержания и формы не растворима и никакое переформление немислимо.

Взаимоотношение формы и содержания в науке всегда временная связь прагматического характера. Взаимоотношение их в искусстве не только вечная тайна, но и таинство. Птоломей⁵

был в свое время отменен Коперником. «Фауст» никогда не отменял «Божественной комедии»⁶.

ХИ

Блок был прав, что боялся стать «достоянием доцента». История литературы — наука не только не возможная, но постольку возможная, постольку и вредная. Все связи, которые ученые (обыкновенно мало любящие искусство), устанавливают между отдельными писателями и эпохами, называя их именами школ, течений и направлений, совершенно фиктивны. Ни один *настоящий* художник никогда ни в чем не повторил другого. У каждого все совсем заново и все со дна. Все как будто бы повторяющееся, как будто бы обще-направленское и школьно-типичное основано не на исторических влияниях, а на до и вне исторических духовных созвучиях между душами писателей (Wahlverwandschaften⁷).

Все сказанное неоспоримо верно однако лишь с одной решающей оговоркой. Нельзя забывать, что настоящим художником в каждом из его произведений бывает обыкновенно написано только несколько бессмертных страниц. К смертным же страницам, в которых тонут бессмертные, все сказанное никак не относится. Этими смертными страницами живут историки литературы, устанавливающие школы, влияния, течения, биографические основы и т. д.

История литературы была бы очень полезной наукой, если бы ясно сознавала, что занимаясь искусством, она занимается исключительно тем, что в нем не от духа искусства. Русская общественная и социологическая литературная критика была в известном смысле совсем не так не права и глупа, как это казалось символистам.

Невежеством внеэстетический подход к искусству становится лишь в связи с ни на чем не основанной мыслью будто бы в искусстве вообще нет недоступной историку Вечности.

